

Редьярд Киплинг

СКАЗКИ СТАРОЙ АНГЛИИ



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 42

Перевод с английского
Марины Бородицкой, Григория Кружкова, Татьяны Чернышёвой

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации
Харольда Роберта Миллара, Артура Рэкема
(«Пак с Волшебных Холмов»),
Чарльза Эдмунда Брока, Фрэнка Крэйга
(«Подарки фей»)

© М. Я. Бородицкая, перевод, 2026
© Г. М. Кружков, перевод, статья, примечания, 2026
© Т. Н. Чернышёва, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33050-4

От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным Холмам

Была у меня одна авантюрная мысль: прежде чем начать переводить книгу о Паке с Волшебных Холмов, побывать в тех краях, которые описывает Киплинг. Это окрестности деревушки Бэрваш в графстве Сассекс. Там сейчас дом-музей, и хотя времена изменились, но места по-прежнему захолустные, глухие, и кто знает: вдруг и мне повезёт встретиться с этим старым английским лешим, шутником и проказником Паком? Почему бы и нет! Разве мы не сроднились с ним, хотя бы отчасти, ещё пятнадцать лет назад, когда я перевёл балладу про Робина Весельчака — а это и есть одно из прозвищ Пака. В стихах он говорит от первого лица, похваляясь своей ловкостью и важным положением в волшебном мире духов:

Князь Оберон — хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полёт шальной
Я послан, Робин Весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я: — Ха-ха-ха!

Книга Киплинга начинается с того, что Дан и Уна дают спектакль по шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», причём Дан играет Пака. И настоящий Пак не выдерживает, является к ним, чтобы показать, как надо исполнять его роль. Может быть, если я продекламирую балладу о Робине там же, у склона

Волшебного Холма, он снова вылезет, чтобы меня поправить? Как знать! Один полководец говорил: сперва вяжемся в бой, а там посмотрим.

Конечно, я всё заранее изучил по карте: где какие холмы и горы, в какой стороне море и древний замок Пэвенси и как далеко от Бэрваша до поля битвы при Гастингсе, откуда нормандский воин сэр Ричард с саксонцем Хью вместе добирались до его поместья, причём раненый Хью шёл пешком, а сэр Ричард ехал верхом. Они шли полдня через холмы и долины, днём и в лесной темноте и лишь к полуночи добрались до цели. Приложив линейку к карте и учтя масштаб, я определил, что это не больше пятнадцати миль, следовательно, если я буду проходить в час, скажем, по три мили, то я могу одолеть это расстояние за пять часов. Мне казалось, что я обязан оттопать собственными ногами путь Ричарда и Хью, — лишь тогда мне понастоящему откроется дух этой книги, дух славной истории Англии.

Итак, я наметил себе — после кипплинговского музея, как бы на закуску — пешеходную прогулочку до Баттла. Это имя, собственно, и означает «битва»; ведь нормандские войска под предводительством герцога Вильгельма только высадились с кораблей при Гастингсе, а само сражение с Гарольдом Смелым и его саксонским войском произошло намного севернее, где сейчас город Баттл и древнее Баттлское аббатство.

Кстати, о названии самого дома Кипплинга. Он зовётся Бейтманз-Хаус, что, вероятно, происходит от древнеанглийского слова «батман» — моряк. Так и будем его величать: Батман, или Дом Моряка.

* * *

Я поделился своими планами с Хилари и Полом — друзьями, у которых я гостил в Лондоне. Дескать, субботу и воскресенье собираюсь посвятить паломничеству по кипплинговским местам. И примерно описал свой будущий маршрут.

— К чему так сложно — метро, вокзал, поезд, автобус? — сказал Пол. — В субботу я еду с друзьями по цветочки в Западный Сассекс. Выедем пораньше, заброшу тебя по дороге в Бэрваш.

Тут мне хочется объяснить, что значит для Пола поехать «по цветочки». Если вы думаете, что речь идёт о каких-нибудь букетах, венках из одуванчиков и прочих сентиментальных вещах, то это, конечно, вздор! Пол — любитель-ботаник, его цель — найти редкое растение. Не сорвать, упаси боже, а просто увидеть, может быть, сфотографировать, записать в блокнот. Вот уж кто неутомимый ходок! Чем дальше приходится идти «по цветочки», тем ценнее. Лучше всего по горам. Поэтому в отпуск Пол уезжает туда, где местность подичее и покруче, — в Уэльс, в Анды, в Гималаи. С фотокамерой и определителем растений.

«Я дружкой был, как выстрелом, разбужен», — сказал кто-то из поэтов. Вот именно что как выстрелом. Это при моей-то привычке поспать подольше! Ещё и жаворонки не пели (а поют ли они вообще в Ричмонде — вот вопрос), как мне пришлось вскакивать на ноги и, наскоро проглотив чашку кофе, залезать в машину. И мы помчались!

Ехать с Полом — это запоминается на всю жизнь. Дело в том, что мой друг Пол — человек совсем особенный: он всё делает в два раза быстрее, чем другие люди. Одевается ли он, готовит завтрак, звонит по телефону, читает карту или газету, ходит, умывается, ремонтирует калитку — всё у него происходит в другом темпе, чем у простых смертных. Кажется, что и часы у него на руке тикают в два раза быстрее. Однако, пока дело касается таких простых вещей, это ничего и даже мило. Но вот вы садитесь с ним в машину и вдруг осознаёте, что и машину он водит в два раза быстрее, чем другие люди! А это уже не шутка.

Один наш общий друг после совместной экскурсии с Полом (в течение которой он как-то судорожно острил на заднем сиденье, крест-накрест пристегнувшись ремнями безопасности) признался мне потом по секрету, что всю дорогу вспоминал, какие он дела успел доделать, а какие так и останутся навек недоделанными...

А я думал совсем о другом. В то раннее утро, пока мы с Полом летели по узким английским просёлкам, я перенёсся мыслями на сто лет назад, в октябрь 1899 года, когда мистер Хармсворт, основатель газеты «Дейли мейл» и друг Кипплинга, впервые

подкатил к его дверям на одном из первых в Англии авто. В ту пору семейство Киплинг было озабочено подыскиванием дома в деревне, чтобы поселиться там всерьёз и надолго. Автомобиль показался им идеальным средством поисков.

Это была двадцатиминутная прогулка. Вернулись мы белые от дорожной пыли, оглушённые шумом двигателя. Но с того часа отравы начала действовать. Вскоре с помощью какого-то брайтонского агентства мы наняли одноцилиндровый, ремённо-приводной, с каретными рессорами и откидным верхом «эмбрио», который мог развивать скорость до восьми миль в час. Это стоило (включая оплату водителя) три с половиной гинеи в неделю. Наша дорогая тётушка, не боявшаяся ничего на свете, воскликнула: «А как же я!» Так что в наши поисковые экспедиции мы стали ездить втроём... Вместе с горсткой других отчаянных первопроходцев нам пришлось принять на себя первый взрыв общественного негодования. Графы, привставая в своих изящных ландо, бросали нам вслед ужасные проклятия. Цыгане, дамы в двуколках, пивовары на тяжёлых фургонах — казалось, весь мир (за исключением несчастных терпеливых лошадей) громогласно возглашал нам анафему...

Спустя некоторое время я купил машину с паровым двигателем, называвшуюся «локомобиль»... Она довела нас до грани полного изнеможения и истерии... Именно на этом злосчастном «локомобиле» мы и подъехали впервые к Дому Моряка.

Р. Киплинг. Кое-что о себе. 1936

Когда мы подъехали к Бейтманз-Хаус на своём серебристом пикапе, было ещё довольно рано. Абориген в резиновых сапогах и с палкой в руке объяснил нам, что музей откроется в десять. За идеально подстриженной зелёной изгородью виднелся огромный дом постройки шестнадцатого века. Напротив, через дорогу, рос высоченный дуб, ровесник дома, а рядом на зелёном выгоне паслись два симпатичных белых ослика. Это были «киплинговские» ослики; они не возили телег, а просто жили здесь по традиции как живые экспонаты. Мы не замедлили сфотографироваться вместе с ними.

Наши четвероногие спутницы Полли и её дочка Нелл, выскочив из машины, с ликованием носились вокруг. Их древняя

кровь — они принадлежали к редкой спаниельской породе с чудным названием «кавалеры короля Карла» — почуяла родную обстановку: тут пахло веком Якова Стюарта и Карла Первого.

Мы подошли к мостику и заглянули вниз — густая зелень деревьев скрывала ручей. Тот самый, по которому плавали Дан и Уна!.. И я вновь обернулся, чтобы полюбоваться домом.

С первого момента, едва Киплинг со своей абордажной командой увидели этот дом, решение было принято. «Это он! Он! Единственный и неповторимый!» — шепнула им Судьба.

Мы вошли и сразу почувствовали, что его дух — фэн-шуй — благоприятен. Мы прошлись по всем комнатам и нигде не обнаружили ни тени застарелой тоски или притаившихся бед, никакое зло не витало над этим домом, хотя его «новой» части было уже триста лет.

К сожалению, хозяин дома сказал им, что он только накануне сдал усадьбу на двенадцать месяцев. Они продолжали поиски — или делали вид, что продолжали, — но через год, едва дом освободился, поехали и моментально его купили.

Когда сделка совершилась, продавец сказал: «А теперь позвольте вас спросить. Как вы собираетесь добираться на станцию и обратно? Это около четырёх миль, и чтобы взобраться в гору, мне приходилось пристёгивать вторую пару лошадей». — «Я рассчитываю вот на это хитроумное изобретение», — отвечал я с сиденья своего „ланчестера“. — «Да ну, это несерьёзно», — хмыкнул хитрец. Лишь годы спустя, когда мы встретились вновь, он признался, что если бы знал то, что я уже тогда предвидел, то запросил бы с меня вдвое дороже. Через три года мы и вспоминать перестали о железнодорожной станции. А через семь лет мой шофёр в ответ на сетования какого-то гостя, приехавшего в малоизвестной «жестянке», сделал большие глаза: «Холмы? Да нет на Лондонской дороге никаких холмов».

Между прочим, я потом видел последнюю машину Киплинга в его гараже — «роллс-ройс» тридцатых годов, огромный, как броневик. Лауреат Нобелевской премии, он мог себе позволить такую роскошь.

Музей, как и обещали, открылся в десять. К тому времени Пол и его лохматые подруги, попрощавшись со мной, укатили на встречу с друзьями-ботаниками, а я, осмотрев дом — действительно добрый и совсем не мрачный, несмотря на старинную тяжёлую мебель, — поднялся в кабинет директора, чтобы попросить его показать карту усадьбы и её окрестностей. Если таковая найдётся.

Таковая нашлась. Я наспех перечертил себе в блокнот основные ориентиры: Мельничный ручей, саму Мельницу, Волшебный Холм, Омут Выдры и так далее. Это всё реальные места вблизи киплингского дома, перекочевавшие потом на страницы его книг.

О деревушке в один ряд домов, что на холме, мы знали только, что её жители происходили от контрабандистов и овцекрадов, более или менее остепенившихся за последние три поколения...

Среди местных старожиллов был один, лет семидесяти, браконьер по наследству и по призванию... вскоре он стал нашим важным советчиком и опорой. В поздние свои годы — а дожил он до восьмидесяти пяти лет — старик любил вспоминать прошлое (вроде как я сейчас), и рассказов его хватило бы на много томов. Он говорил о любви, драках, кознях, об анонимных доносах неких «грамотеев» и о мстительных заговорах, осуществлённых с восточным коварством. О браконьерстве он знал всё... Его саги были украшены картинами Природы, описаниями ночей и рассветов, таинственных возвращений и гениальных алиби, придуманных нагишом у очага, пока сушится одежда, и о новых вылазках под покровом сумерек. Его жена, привыкнув к нам за десять лет, могла порассказать многое о своём прошлом, включая волибу, колдовство и приворотные зелья, пользовавшиеся спросом в округе вплоть до шестидесятих годов... Она умерла в возрасте девяноста лет и до конца сохранила такт, манеры и даже, несмотря на свой маленький рост, осанку настоящей герцогини.

Таковы были прототипы сторожа Хобдена и его жены. Что касается замысла всей книги, то он рос постепенно, по мере того, как писатель осознавал, сколько пластов истории, сколько зага-

док и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустяков. Однажды рыли колодец и на глубине семи метров нашли курительную трубку времён короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а ещё ниже — бронзовый нащёчник от римской конной узды. Во время очистки пруда вытащили две елизаветинские пивные кружки и — из гущи придонного ила — топор каменного века «лишь с одной щербинкой на по-прежнему грозной полированной кромке».

Вот почему Киплинг ничуть не удивился, когда его кузен Амброуз Пойнтер предложил ему написать повесть о римском владычестве в Англии. «Пусть там будет старый центурион, рассказывающий детям о том, что ему довелось пережить».

«А как его звали?» — немедленно спросил я, любя во всём конкретность. «Парнезий», — ответил кузен, и это имя застряло у меня в голове...

У самого края нашей земли, в маленькой долине, ведущей из ниоткуда в никуда, лежала большая грудa заросшего бурьяном шлака — развалины древней кузницы, бывшей в деле, вероятно, со времён финикийцев и римлян вплоть до середины восемнадцатого века. Дрок и папоротник всё ещё скрывали разбросанные железные чушки, и если снять несколько дюймов обгрызенного кроликами дёрна, можно было увидеть прорыжелый, прокалённый насквозь грунт и две узкие колеи от плавильной печи, построенной ещё в елизаветинские времена. Дорога-призрак, которая начиналась тут, в этой мёртвой ложбине, и, выбравшись наверх, пересекала наши поля, была известна в округе как «Пушечный волок» и обычно связывалась с памятью о Великой армаде. Казалось, каждый уголок этой земли кишел призраками и тенями. Вскоре нашим детям вздумалось исполнить для нас отрывок из «Сна в летнюю ночь» — прямо под открытым небом. А потом один наш друг подарил им лодку из берёзовой коры, с осадкой в воде около трёх дюймов, и они занялись исследованием ручья. А на ближайшем к нам заливному лугу лежали загадочные Ведьмины кольца.

Видите, как терпеливо перетасовывались карты и как они сами ложились мне в руки? Старые духи нашей Долины вмешивались так или этак во все наши дела. Земля, Вода, Воздух и Люди как будто сговорились (теперь-то я вижу), чтобы дать

мне вдесятеро больше материала, чем я мог использовать, если бы даже я писал полную историю Англии — в той мере, в какой она коснулась наших мест.

Обе кипплинговские книги о Паке (как раньше его же «Книга Джунглей») имели триумфальный успех. Уже при жизни писателя они были переведены на двадцать семь языков! А начиналось всё здесь, в этой маленькой долине, у подножия этого холма, на берегах Мельничного ручья, вдоль которого ведёт экскурсионная тропинка с калиткой и указателем: «Продолжение осмотра». А вот и Малая Мельница — «самое распрекрасное место» для игр в дождливый день. Она отреставрирована умельцами из окрестных мест — тщательно и совершенно бескорыстно. Картины и схемы на стенах рассказывают о мукомольных колёсах и жерновах. Всё в порядке, всё как должно быть; и только никто больше не огласит чердак кровожадным пиратским кличем и никто не высунется из маленького «Утино окошка» посмотреть, перестало ли моросить на улице или нет. Есть туристы, приходящие сюда «вразброд и парами», есть лавочка сувениров внизу, неподалёку от входа, есть даже я, невесть каким ветром занесённый сюда гость из России. И только нет девочки Элси и мальчика Джона — тех самых Уны и Дана, встречавшихся здесь с Паком, с Гэлом Чертёжником и с Хобденом...

Они были погодки, Элси и Джон, она родилась в 1896 году, а он — в 1897-м. Значит, сколько ему было, когда он погиб во Фландрии, в бою при Лоосе 27 сентября 1915 года? Восемнадцать лет.

Я выхожу и смотрю — сперва на солнце, потом на часы. Уже около двух, пора в путь. С лёгкой сумкой на плече и с картой в руке я иду сперва по тропе, а потом по асфальтовой узкой дороге через холмы — чем дальше, тем пустынее кругом.

Сельская глубинка — холмы и леса, и очень редкие следы жилья. Я запыхался скорей, чем думал. Тут вот в чём секрет: когда развёртываешь карту на столе и на коленях, дорога кажется короткой, как мизинчик, и плоской. А когда начинаешь шагать, она вдруг забирает вверх — да так круто, как нос фрегата, идущего против ветра в шторм! — а потом скатывается вниз —

и снова вверх — и снова вниз... В общем, выходит совсем не то, что идти по равнине. И хотя с холмистых вершин открывается захватывающий вид на центральный гористо-лесистый Сассекс (Вильд — старинное название этого края), но через три часа я понял, что всё-таки необходимо схитрить.

В конце концов (подумал я), пройдено уже больше половины пути, и, если я сейчас проголосую и доеду до Баттла на попутке, кому какое дело? Можно будет рассказывать, что проделал весь путь пешком, и я имею на это моральное право, потому что, во-первых, уж больно горки крутые, и во-вторых, осталось каких-то миль шесть — мелочь, которая принципиального значения не имеет.

Приняв такое решение, я стал оглядываться на ходу и делать всякие приветливые знаки обгонявшим меня машинам. Машин шло мало: три-четыре за час, не больше. Очень скоро стало ясно, что занятие это бесперспективное, никто не станет останавливаться на пустынной дороге: идёшь себе и иди, раз тебе надо. Логично. Вскоре я отчаялся голосовать — и сразу взбодрился. Я шагал с какими-то новыми силами в душе и в ногах, горлая разные стихи и песни. В том числе и балладу о Паке:

С тех пор как Мерлин-чародей
На свет был ведьмою рождён,
Известен я среди людей
Как весельчак и ветрогон.
Но кончен час
Моих проказ,
И с первым криком петуха
Меня уж нет,
Простыл и след,
Ищите ветра: — Ха-ха-ха!

И тут очередная машина (я сошёл на обочину, чтобы пропустить её) неожиданно остановилась.

— Вас подвезти?

Я не заставил себя упрашивать и, поблагодарив, сел рядом с водителем — весьма пожилым джентльменом с рыжей бородкой и ручьи́сто-голубыми глазами. Разговорились, как водится. Я назвал своё имя, а он своё.

— Даллингтон? — с удивлением переспросил я. Так называлось поместье, которое Хью получил от де Акилы.

— Дик Даллингтон, именно так. Я ведь из этих мест.

Оказывается, он приметил меня ещё раньше, у кипплинговского дома, куда приезжал навестить внука, работающего в музее. Мистер Даллингтон и сам проработал в нём много лет, а теперь на пенсии.

Он удивился, узнав, что я из Москвы. Из такого далека! Откуда же вы знаете здешние места? Ах да, карта. И компас. Чудеса!

— А я живу в Баттле, — поведал он. — Битва при Гастингсе, слышали? Там есть экскурсии в Баттлском аббатстве. Показывают место битвы. Вы можете успеть, они закрываются позже.

Через каких-нибудь десять-пятнадцать минут мы были в Баттле, и мой чудный старик подкатил прямо к кассе музея. Я спросил его, не хочет ли он составить мне компанию.

— Да нет... я там бывал — давно... — загадочно ответил он и уехал.

Григорий Кружков

**Пак
с Волшебных
Холмов**

МЕЧ ВИЛАНДА

ПЕСНЯ ПАКА

Вон, видишь, через дальний луг
Неровный след ведёт?
Там пушки волокли на юг —
Встречать испанский флот!

Вон, видишь, жернова стучат
На ближнем бережку?
Лет восемьсот ещё назад
Мололи здесь муку.

Вон там, среди густых дубрав,
В лощине под горой
Саксонцы в бой пошли, прорвав
Норманнов тесный строй!

Вон там, за той грядой холмов,
Где ветер и туман,
Альфред с ватагой храбрецов
Громил и гнал датчан.

А там, на склонах, где стада
(И в каждом — рыжий бык),
Там город был, ещё когда
И Лондон не возник!

Полуразмытый видишь вал,
За ним — крутой обрыв?
Там Цезарь лагерем стоял,
Из Галлии приплыв.

А видишь, вьётся по холмам
Загадочный зигзаг?
То каменного века шрам,
Стоянки древней знак.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Забытый храм, заросший след
Средь высохших болот,
И дух веков, и прах побед —
Здесь Англия живёт!

Не просто луг, не просто лес,
Не остров, не страна —
Край Мерлина, земля чудес
В наследство нам дана.

Зрителями были три коровы. Ребята разыгрывали перед ними «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Конечно, не целиком: всю комедию они бы не смогли запомнить; но отец сильно сократил её, сделав из большой пьесы маленькую, и дети репетировали с ним и матерью до тех пор, пока не выучили свои роли наизусть.

Они начали с того места, когда ткач Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах и застаёт королеву фей Титанию спящей. Затем они переходили к той сцене, где Основа просит трёх маленьких феечек почесать у него в голове да ещё принести ему лесного мёду, а заканчивали там, где он засыпает в объятиях Титании. Дан играл за Пака, за Основу и за всех трёх феечек. Пака он представлял в матерчатой шапочке с пушистыми острыми ушками, а Основу — в ослиной голове из бумажного абажура, оставшегося от Рождества; приходилось играть очень осторожно, чтобы голова не лопнула. Уна — в венке из синего водосбора с волшебной палочкой из наперстянки — исполняла роль Титании.

Театр располагался на лугу, который назывался Длинным Скотом. Узкий Мельничный ручей, доставлявший воду на ближайшую Мельницу, огибал его с одного угла, и как раз напротив излучины лежал Ведьмин Круг — большой круглый участок пожухшей травы, который и служил ребятам сценой. Берега ручья, заросшие ольхой, ивой и шиповником, образовывали естественные кулисы, где было удобно дожидаться своего выхода. Сам Шекспир (так сказал один взрослый, видевший это место) не придумал бы лучшей декорации для своей пьесы.

Разумеется, детям не разрешили давать представление ночью — в ту самую колдовскую Купальскую ночь, когда и происходят все чудеса у Шекспира; но они выбрали час после полдника, на склоне дня, когда тени растут, — и отправились на луг, захватив с собой кое-что перекусить: хрустящее печенье, крутые яйца и соль в пакетике.

Три коровы, уже подоенные, целеустремлённо паслись, оглашая луг мощным чавканьем, и вдали раздавался шум работающей мельницы, похожий на шлёпанье босых пяток по утоптанной дороге. Обленившаяся июльская кукушка изредка пыталась подать голос с перекладины ворот, да хлопотливый зимородок то и дело перелетал с одной стороны ручья на другую. За исключением этого, вокруг царили тишь и дрёма, пахло таволгой и нагретой сухой травой.

Спектакль удался на славу! Дан замечательно помнил все свои роли: Пака, Основы и трёх феечек, и Уна не сбилась ни разу — даже в том трудном месте, где она велит кормить Основу «плодами спелых фиг и абрикосов, крыжовником, клубникой, куманикой» — ну и так далее. Они были так воодушевлены, что сыграли пьесу три раза подряд — от начала до конца. Потом присели на траве в центре Ведьминого Круга на чистом от колючек месте и достали ужин; как вдруг чей-то свист раздался в прибрежном лозняке, так, что они сразу вскочили на ноги и обернулись.

Кусты раздвинулись. И вот, на том самом месте, где Дан играл Пака, они увидели маленького смуглого широкоплечего человечка с острыми ушами, вздёрнутым носом, косящими голубыми глазами и ухмылкой, от уха до уха расплывавшейся по его лукавой веснушчатой физиономии. Он вдруг посуровел, наморщил лоб, как будто бы застал Буравчика, Рыло и Основу за репетицией «Тисбы и Пирама», и голосом гулким, как мычание недоеной коровы, продекламировал:

— Что за невежи этак расшумелись
Вблизи от ложа королевы фей?

Он остановился, приставил ладонь к уху и, хитро подмигнув, продолжил:

— Никак дают комедию? Ну что же!
Послушаю — а то и сам сыграю.

Ребята смотрели на него, раскрыв рот от удивления. А человек — он был не выше Данова плеча — невозможно вошёл внутрь Круга.

— Я нынче не совсем в форме, — сказал он. — Но роль мою нужно играть примерно так.

Всё ещё онемев, ребята разглядывали его всего — от тёмно-синей шапочки, похожей на цветок водосбора, до босых мохнатых ног.

— Ну что вы так устали? — спросил он, рассмеявшись. — Такой уж я есть. А вы каким ожидали меня увидеть?

— Мы никого не ожидали, — вымолвил наконец Дан. — Это наше поле.

— Неужели? — удивился пришелец, усаживаясь на траву. — Так какого же лешего вы трижды подряд сыграли «Сон в летнюю ночь» в канун колдовской Купальской ночи, в середине Ведьминогo Круга, да ещё у подножия одного из самых старых холмов Старой Англии? Это же Холм Пака — Волшебный Холм. Вы что, и этого не знали?

И он указал на пологий, заросший папоротником склон холма на другой стороне Мельничного ручья. Дальше по склону начинался лес, а за ним виднелись холмы ещё выше — вплоть до Сигнальной Горы высотой не меньше 500 футов, откуда открывался широкий вид на равнину Пэвенси, и на Ла-Манш, и на отдалённые всхолмья Саут-Даунз.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Тёрном! — весело воскликнул он. — Если бы это случилось несколько лет назад, весь Народ С Холмов слетелся бы сюда, как пчелиный рой!

— Мы не знали, что так делать не годится, — смутился Дан.

— Не годится?! — Человечка просто затрясло от смеха. — Ещё как годится! Да понимаете ли вы, что все короли, рыцари и учёные в прежние времена отдали бы все свои короны, шпоры и книги, чтобы научиться тому, что вы сейчас невзначай совершили. Да помогай вам сам волшебник Мерлин, и то не вышло бы лучше. *Вы разверзли Холмы* — понимаете? Такого не случилось тысячу лет.

Киплинг Р.

- К 42** Сказки старой Англии : рассказы, сказки / Редьярд Киплинг ; пер. с англ. М. Бородинской, Г. Кружкова, Т. Чернышёвой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026 — 512 с. : ил. + вкл. (8 с.).

ISBN 978-5-389-33050-4

Редьярд Киплинг — знаменитый писатель, поэт и новеллист, первый англичанин, получивший Нобелевскую премию по литературе. Пожалуй, редко у кого столь удачно складывалась литературная судьба, как у Киплинга: его произведения восторженно принимались критикой, гонорары оказывались рекордными, при жизни автора было издано четыре собрания сочинений — случай поистине уникальный.

«Сказки старой Англии» — сборник самых известных наряду с «Книгой Джунглей» произведений Киплинга. Они были переведены на двадцать семь языков и считаются предтечей современного жанра фэнтези! В книгу вошли сказочные повести и рассказы из сборников «Пак с Волшебных Холмов» и «Подарки фей». В увлекательных историях проказливого эльфа Пака сплетаются воедино реальность, мифология, фольклор и волшебство, создавая неповторимую атмосферу старой доброй Англии.

Произведения публикуются с классическими графическими работами художников Харольда Роберта Миллара и Чарльза Эдмунда Брока. Издание также украшают иллюстрации Артура Рэкема и Фрэнка Крэйга.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Редьярд Киплинг
СКАЗКИ СТАРОЙ АНГЛИИ

Руководитель редакции Анастасия Бутина
Ответственный редактор Марина Скворцова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная вёрстка Валентины Дик
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.06.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,78 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55,	Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru



C-DBK-42396-01-R